

С.С. Шумилова

Осенний вечер

Н. Некрасов в статье «Русские второстепенные поэты» писал по поводу стихотворения «Осенний вечер», созданного Тютчевым еще в ранний период своего творчества, в 1830:

«Превосходная картина! Каждый стих хватается за сердце, как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные внезапно набегающие порывы ветра; их и слушать больно, и перестать слушать жаль. Впечатление, которое испытываешь при чтении этих стихов, можно только сравнить с чувством, какое овладевает человеком у постели молодой умирающей женщины, в которую он был влюблен. Только талантам сильным и самобытным дано затрагивать такие струны в человеческом сердце; вот почему мы нисколько не задумались бы поставить г. Ф. Т. рядом с Лермонтовым... Нечего и говорить о художественном достоинстве приведенного стихотворения: каждый стих его — перл, достойный любого из наших поэтов».

Тютчев не просто описывает окружающие его поля, леса, реки, а передает дыхание, движение, звуки — жизнь.

Читателя охватывает не столько осеннее настроение, сколько состояние. Осенняя атмосфера созвучна настроению самого автора. Увядавшее состояние природы ему понятно и близко. Тютчев видит некую «таинственную прелесть», которая разливается над «грустно-сиротеющей землей». А. Фет при разборе стихотворения написал, что «одинокое, вполне тютчевское слово “ущерб” — ненаглядно». Чувство изнеможения, усталости, утомления не только природы, но и человека видится в этих строках.

Настроение у Тютчева всегда сливается с мыслью. Образ осенней увядающей природы передает духовное состояние автора. Маловерие приводит к мысли, что земля — сирота, покинутая Богом. Это заблуждение связано с духовными проблемами. Но человек не одинок в этом мире, так как он — творение Господа.

Тютчев как поэт-романтик видит в природе вечное, Божественное начало, как христианин он понимает, что только Бог является источником духовного возрождения.

В первой строфе Тютчев изрекает очевидную для него сентенцию, что любое явление природы есть проявление Божественного («Есть в светлости осенних вечеров / Умильная, таинственная прелесть...»). Образ осеннего вечера, в котором поэт видит некую «светлость», можно рассматривать по-разному. Светлость — это природный, естественный свет осеннего солнца. Его вечерний свет изменяет лик земли: краски становятся насыщеннее, чище и ярче («зловещий блеск», «пестрота деревьев», «багряные листья»). Но светлость, свет для поэта является и источником духовного очищения; эта светлость «умиленная», «таинственная», «кроткая», именно с ней поэт сравнил и в ней увидел «Божественное страдание» — прообраз человеческой нравственности.

Образ света присутствует почти в каждом стихотворении. Свет — это Бог. «...Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Мф. 4, 16). Душа человека тянется к свету, к спасению. На фоне «светлого страданья» появляется «зловещий блеск» уходящей осени.

Эпитет «зловещий» — метафора, выражающая идею автора о недолговечности мира. Поэтому такими близкими и дорогими человеку кажутся осенние вечера природы и жизни. См. также: «Есть в осени первоначальной...», «Обвеян вещею дремотой...» и др.